граммы Пересветова. В первой редакции не проводится принципиальной разницы между князем и его боярами. Бывает князь щедрый, бывает и скупой, точно так же и бояре делятся на щедрых и скупых. Если есть между ними какая-нибудь разница, то разве только в масштабах, и служить не зазорно ни тому, ни другому, был бы только господин добрый: „Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится большей роботы. Зане князь щедр, аки река, текуща без брегов сквози дубравы, напаяюще не токмо человеки, но и звери; а князь скуп, аки река в брезех, а брези камены: нелзи пити, ни коня напоити. А боярин щедр, аки кладяз сладок при пути напаяеть мимоходящих; а боярин скуп, аки кладязь слан".[1] Во второй редакции уже проводится резкая грань между князем и боярином и, по мнению автора, лучше служить скупому князю, чем щедрому боярину. „Лучше бы ми нога своя, — пишет автор Моления, — видети в лыченицы в дому твоем, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе; лучше бы ми в дерюзе служити тебе, нежели в багрянице в боярстем дворе".[2] Он предпочитает пить воду в княжеском дворе, чем мед во дворе боярском, или принять испеченного воробья из рук князя, чем баранью лопатку „от государей злых" (подразумеваются бояре).[3] В первой редакции окружающие князя „думцы" подразделяются на добрых и лихих; первые приносят пользу, а вторые — зло: „То не море топить корабли, но ветри; не огнь творить ражежение железу, но надымание мешное; тако же и князь не сам впадаеть в вещь, но думци вводять. З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть".[4] Во второй редакции автор послания выступает против думцев вообще, независимо от того, добрые ли они или лихие, и выдвигает ставшую впоследствии, в XVI в., столь излюбленной идею о том, что князь сам должен владеть государством: „Не корабль топит человеки, но ветр; тако же и ты, княже, не сам владееши, в печал введут тя думцы твои".[5]

Добиваясь службы у князя, Даниил Заточник не ссылается на знатность происхождения, которой он похвастать не может, а, напротив, в нескольких местах (второй редакции) подчеркивает, что он раб князя и сын рабы его. Как уже указывалось, эти слова не следует понимать буквально, и не только потому, что, будучи заимствованы из Псалтыри, они являлись ходячим литературным выражением, а еще и потому, что этими словами автор послания как бы

---

1 Там же, стр. 19, 20.

2 Там же, стр. 60.

3 Там же, стр. 61.

4 Там же, стр. 25, 26.

5 Там же, стр. 58. — Только в одном месте второй редакции говорится о том, что князь „умными бояры предо многими людми честен ... и по многим странам славен ..." (там же, стр. 59).